

С каждым шагом вглубь поселения их охватывал всё больший ужас: в огромном городе Чжэньянь, не считая высокопоставленных чиновников и османских пленников, не осталось ни одной живой души! Весь путь был устлан трупами, из-за чего им приходилось то и дело останавливаться, прятаться и пережидать опасность. В итоге дерзкая вылазка, которая, по их расчетам, должна была завершиться глубокой ночью, затянулась до того, что луна уже взобралась на верхушки деревьев, а они всё ещё не могли пробраться в темницу.

С самого начала операции внутри у Цин Гэ клокотал глухой гнев. Шао цзюньхоу клана Цин, всегда действовавшая открыто и честно, когда ещё ей приходилось вести себя подобно воровке, прячась по углам? Чем искуснее она скрывалась, чем тише передвигалась, тем сильнее закипала в ней ярость. Ей хотелось взмахнуть своим посохом и ворваться туда напролом, обрушив на этот город, полный скелетов и мертвецов, яростное пламя огненных драконов, чтобы сжечь всё дотла.

Но бесстрашная Шао цзюньхоу на этот раз действительно наткнулась на камень преткновения. Для армии нежити стихийная магия была бесполезна: кроме как отрубить им головы и закопать в землю, с ними могли справиться лишь Руки Инь-Ян — один из семи священных артефактов. С тех пор как сотни лет назад боги континента Омота удалились от дел, передав мир людям, на этой земле исчезли две основные системы магии — тьмы и света. А значит, в этом городке определённо находились Руки Инь-Ян, иначе никто не смог бы повелевать такой ордой мертвецов!

Они продвигались вперёд шаг за шагом, и как бы ни горели от нетерпения, вынуждены были сохранять осторожность. К счастью, благодаря опыту Офелии, им удалось быстро вычислить промежутки между патрулями, иначе о том, чтобы пробраться внутрь, не могло быть и речи — хорошо ещё, если бы не столкнулись лоб в лоб!

— Сюда, — Офелия наострила уши, пытаясь определить источник звуков. Услышав слабый топот, она, даже когда до врагов оставалось больше десяти метров, подхватила Цин Гэ и грациозно взмыла на стену, бесшумно скатившись во двор. Только они собрались было выскользнуть оттуда, как с ужасом осознали:

В дверь этого самого двора постучали!

— Господин Архонт, вы всё ещё допрашиваете? — у ворот раздался жеманный женский голос, в каждом вздохе которого сквозила приторная сладость и неприкрытая похоть. Цин Гэ, всегда отличавшаяся безупречной чистотой нравов, недовольно нахмурила свои изящные брови. — Поздно уже, выходите отдохнуть!

Из глубины тёмного двора донёсся неуверенный голос:

— Иду, иду, чего ты торопишь? Неужели без мужика жизни нет? — Раздались шаркающие шаги, приближавшиеся к выходу. В то же время снаружи, помимо женского присутствия, ощущалась тяжёлая аура смерти отряда Стражей в железных доспехах.

Цин Гэ и Офелия переглянулись. В глазах каждой читалось одно:

Это здесь!

— Я выхожу, ты заходишь! — Цин Гэ в мгновение ока оценила обстановку. — Главная цель — вернуть останки мага Голина!

— А если их там нет?

— Тогда пусть Кайсар, этот мерзавец, будет нам полезен. Пусть сам проводит тебя к останкам своего учителя!

— Кто там говорит? — голос из дома снова подал признаки жизни, на этот раз с нотками паники. — Кто! Кто во дворе!

Посох Цин Гэ был слишком громоздким, чтобы спрятать его под узкими рукавами ночного наряда, а маг без посоха — всё равно что безоружный воин.

Но кто такая Цин Гэ? Это Шао цзюньхоу клана Цин, та самая, что десять лет была под покровительством небес и ни на шаг не отступала от своего пути! Прямой потомок Великого герцога Цин Шу, ученица Цинлань Дуи в военном искусстве и стратегии, мастер меча и магии, юная воительница, которая ещё в детстве в одиночку покорила Посох из кости дракона и заставила императрицу склониться перед мощью Жэньжань Чанцю!

Она ускорила, оттолкнулась от стены и мощным прыжком взлетела на старое дерево посреди двора. Ловко обломив ветку, она использовала инерцию падения, чтобы катапультировать себя вперёд. В тот же миг сухая ветвь в её руках зазеленела, на кончике проклюнулись нежные почки, и в мгновение ока вся она покрылась сочной, яркой листвой!

— Силой пяти стихий, острой как металл, ломающей древесину! Металл порождает воду, вода — дерево, дерево — огонь! — Цин Гэ не рухнула на землю. Шипящая огненная змея вырвалась из этой импровизированной палки, изогнула треугольную голову и, извергая оранжевое пламя, подхватила её. Эта дикая, едва поддающаяся контролю огненная тварь издала безмолвный рёв!

Такова была сила Шао цзюньхоу: даже без настоящего посоха она могла обратить любую ситуацию в свою пользу. Теоретически, подобное заклинание было невозможно, но Цин Гэ, полагаясь на свою дерзость и знание принципов взаимопорождения стихий, влила в сухую ветку столько магии, что та ожила. Ночная роса, накопленная в ней годами болезнь — металлическая ци, сковывавшая её тело, — всё это позволило ей призвать из ничего яростную огненную змею!

— Кто здесь?! — голос, явно принадлежавший человеку, измождённому развратом, наконец добрался до ворот. В этот момент раскалённый поток воздуха, вырвавшийся из пасти змеи, не только чуть не подбросил Цин Гэ в небо, но и превратил весь двор в руины, охваченные пламенем!

— Спасите! Помогите! — среди криков и воплей Цин Гэ, не меняясь в лице, слегка подтолкнула Офелию, пряча её за обломками, которые сама же и создала. Её голос был едва слышен, но звучал твёрдо:

— Выберешься — и мы уходим вместе.

Офелия плотно сжала губы и тихо ответила:

— Хорошо. Договорились.

Сереброволосая девушка, закутавшись в тёмный плащ, согнувшись, проскользнула в полуразрушенный дом. Цин Гэ, вертя в руках зеленую ветку и слегка улыбаясь, посмотрела на Архонта, который, весь в копоти, наконец выбрался наружу:

— Господин, прошу прощения за прямоту, но вы до ужаса похожи на свинью.

Лицо Архонта позеленело от ярости:

— Ты, наглая османская чернь...

— Эй, не стоит так грубо, — Цин Гэ грациозно соскользнула со спины огненной змеи, от которой веяло жаром. Она стояла посреди двора с прямой спиной, поигрывая изумрудной веткой. На её тонких розовых губах играла улыбка, но в глубине глаз застыл ледяной холод. — Ты ведь меня не узнал, вор Яке?

— Слушай сюда, собака! — она выкрикнула это так, что её длинные, отливающие золотом рыжие волосы взметнулись от внезапного порыва ночного ветра. Сквозь беспорядочные пряди блеснули её пронзительные зелёные глаза, сиявшие ярче призрачного огня в глазницах скелетов. — Я — Шао цзюньхоу клана Цин империи Османов, Чиянь Цин Гэ! Сегодня я пришла сюда в одиночку, чтобы забрать останки нашего величайшего мага, моего учителя, профессора Голина!

— Вы осквернили память нашего почтенного старца, дерзнули нарушить все мыслимые запреты, применив Массив Подавления Магии, и похитили нашего Шао цзюньхоу Оро. За эти преступления я пришла взыскать с вас сполна!

— Смеешь ли ты сразиться со мной?!

Как только Цин Гэ закончила, все Стражи в железных доспехах вокруг — нет, точнее, все тысячи скелетов, до этого тихо патрулировавших город, — словно получив приказ, одновременно подняли головы в сторону Цин Гэ и издали нечеловеческий вопль. В тот миг в небе над ними словно пронесли тысячи падающих звёзд, оставляя за собой длинные фосфоресцирующие хвосты, но стоило присмотреться — и в небе не было ничего.

Полная луна в зените, редкие тени деревьев. Повсюду призрачная аура, руины и опасность, подстерегающая на каждом шагу. Однако именно в этот критический момент Цин Гэ почувствовала, что нечто пришло в движение. Это не был магический массив или заклинание — это нечто, что не могло ей навредить. Непостижимое, едва уловимое.

Нечто, стоящее выше всего сущего, промелькнуло мимо, заставив всех нечеловеческих существ, чьи чувства были острее людских, содрогнуться от ужаса! Это дало Цин Гэ передышку после использования незаконченного заклинания. Взмахнув веткой по идеальной дуге, она призвала вторую огненную змею. Та сначала разинула пасть на свою хозяйку, но та одним жестом заставила её развернуться и извергнуть поток раскалённого воздуха прямо на чёрную толпу Стражей.

Пока Цин Гэ удерживала посох перед собой, не давая врагам приблизиться, Офелия, чьё зрение позволяло видеть в полной темноте, без труда нашла вход в темницу под домом.

— Заперто, — проворчала она и, не раздумывая, выхватила длинный меч, обмотанный чёрной тканью. Три быстрых удара — и тяжёлый латунный замок превратился в грудку металла. — Такие игрушки меня не остановят.

Она ловко спрыгнула в сырой мрак темницы. Зловоние было невыносимым, но даже это не заставило юную Рыцаря Розы поморщиться. Офелия, держа меч наготове, бесшумно прокралась к единственной камере, где ощущалось дыхание, постучала по решётке и тихо спросила:

— Эй, ты Кайсар Оро?

Кайсар, измученный и охваченный жаром, с трудом открыл глаза и тут же встретился взглядом с парой ярких, прозрачных, как кристаллы аметиста, глаз, в точности таких же, как у него самого. Он медленно сел и хрипло ответил:

— Да, это я.

Эти слова поставили точку в их сомнениях и толкнули их судьбы в бесконечную, тёмную ночь. С этого момента не только путь вперёд, но и дорога назад оказались окутаны густым мраком. Даже в ту самую тёмную, отчаянную эпоху, когда даже двое великих героев, о которых слагали легенды, были разлучены смертью, Рыцарь Розы и Золотой Лорд не разжимали рук, поддерживая друг друга.

Говорят, браки по расчёту редко бывают счастливыми, но они — и только они — смогли, пройдя через ужасы городка Чжэньян, рука об руку прошагать больше десяти лет. Без сладких слов, но с глубоким взаимным уважением, они шли плечом к плечу. Это было нечто большее, чем любовь.

— Можешь встать? Хотя нет, не отвечай, вижу, что не можешь, — Офелия взмахнула мечом, легко перерубая цепь на двери темницы. Она подхватила Кайсара, не обращая внимания на его

грязную, окровавленную одежду и удушливый запах крови. Её голос оставался таким же спокойным и холодным, как и в тот момент, когда она постучала в решётку:

— Кайсар Оро, где останки мага Голина?

Кайсар с трудом перевёл дыхание:

— Я скажу, если ты вытащишь меня отсюда...

— Ты больной? — Офелия повернулась, и их фиолетовые глаза встретились. Кайсар увидел, что в её взгляде читается лишь ясная решимость и холод. — Даже если бы ты не сказал, неужели я оставила бы тебя здесь?

— Шао цзюньхоу Оро, твоя привычка судить о благородных людях по себе вызывает у меня отвращение!

Кайсар вздрогнул и указал на тёмный угол:

— Там.

Офелия подошла, сняла с себя плащ, бережно завернула в него тело и голову мага Голина, а затем, не заботясь о том, что Кайсар едва жив, бросила свёрток ему на плечи:

— Держи крепче. Потеряешь — ответишь головой!

Когда Цин Гэ уже подумывала, не выпить ли зелье восстановления маны, из темницы показалась Офелия. Она несла на плече длинный меч, а на спине — полуживого Кайсара. Их появление тут же вызвало ярость Архонта Яке:

— Как вы туда попали!

— Господин... — Цин Гэ погладила зелёную ветку, одарив его сладкой, нежной улыбкой. — Вы правда думали, что маги, которых в сотни раз меньше, чем обычных людей, получают жалование в тысячи раз больше вашего только за красивые глаза? Неужели после того, как я разнесла Гильдию наёмников, вы всё ещё так наивны, что верите, будто сможете... — она с отвращением взглянула на темницу, от которой исходил запах Массива Подавления Магии, — ...поймать мага огня такими фокусами?

Наконец, она легко соскочила с головы огненной змеи и подытожила:

— Шао цзюньхоу Оро неопытен и глуп, но это его ошибки. Однако... — Цин Гэ швырнула ветку в сторону Стражей. Глядя, как скелеты набросились на неё, жадно впитывая исходящую от неё жизненную силу, в её зелёных глазах промелькнула грусть. — Не судите всех по себе, основываясь на своей свиной внешности и таком же интеллекте!

— Из одного рождается два, из двух — три, из трёх — всё сущее! У всего есть дух, у мира нет хозяина! Огонь, сияй! Одолжи свою мощь, чтобы обратить тьму в ничто! — Цин Гэ не меняла жеста с тех пор, как призвала вторую змею. Наконец она смогла размять пальцы. Сложив печать, она заговорила так быстро, что слова сливались в одно:

— Дух огня, пришедший на мой зов, явись! Слушай! Просветлись! Исполни! Магия огня, небесный гром!

В тот же миг в безоблачном небе прогремел гром! Голубые молнии, несущие волю небес, вперемешку с белым пламенем обрушились вниз!

Стражи не знали страха, холода и боли, но под натиском силы, сочетающей в себе свойства металла и огня, они были вынуждены отступить! Против нежити нужно использовать магию, находящуюся на грани двух стихий, и только абсолютная мощь могла заставить их попятиться.

Кайсар, которого Офелия несла на спине, смотрел на спину Цин Гэ, полностью доверившую им свою защиту, и его сердце переполняли чувства...

А затем он пожалел, что не может ослепнуть. Скелеты, которые уже было начали отступать, внезапно замерли. Их глазницы вспыхнули ярким призрачным огнём, ногти удлинились и заблестели, как металл. Даже методы, о которых предупреждали Цин Гэ, оказались бесполезны: они полностью игнорировали молнии и жар, бросаясь прямо на них!

— Чёрт! — Офелия, до этого сохранявшая спокойствие, не выдержала. Она метнула меч в сторону Архонта, но промахнулась. В тревоге она обернулась, рискуя попасть под удар молнии...

Толстый, лоснящийся от жира Архонт всадил руку прямо себе в грудь и вырвал бьющееся ярко-красное сердце. Именно оно было источником силы, заставлявшей нежить мутировать!

Цин Гэ тоже заметила перемену. Страх смешался с осознанием — это был не Инь-Ян!

В тот момент, когда чаша весов склонилась в сторону Яке, из воздуха донёсся запыхавшийся голос, в котором сквозила радость и тревога:

— Цин Гэ! Цин Гэ! Шао цзюньхоу!

Цин Гэ и Офелия замерли. Юный маг быстро сложила последние сложные печати, и молнии мгновенно исчезли, чтобы не задеть девушку, летевшую на огромной птице из земли:

— Боги, да как ты сюда пробралась!!

Земляная птица в одно мгновение спикировала вниз. Когда Цин Гэ уже подумала, что эта глупышка сейчас расшибётся, птица с невероятной точностью пронеслась над самой землёй. Её крылья начали рассыпаться, но в тот же миг, поравнявшись с ними, она быстро сформировала новые, более широкие, подхватив трёх человек и тело мага!

Цин Гэ, отойдя от шока и гнева, была готова наброситься на Хуа Сэ и укунить её за пухлые щёчки:

— Ты хоть понимаешь, как ты рисковала, Хуа Сэ!!

Девушка с чёрными волосами, одной рукой вцепившись в край одежды Цин Гэ, смотрела на неё глазами, в которых отражалось звёздное небо. Другой рукой она вытащила платок и, стараясь не касаться грязных частей, аккуратно вытерла каплю крови с лица Цин Гэ:

— Шао цзюньхоу, вы выглядите такой уставшей. Может, отдохнёте?

Цин Гэ чувствовала, что никогда в жизни не была так измотана. Словно она с размаху ударила в мягкую вату, и вся её ярость ушла в никуда:

— Ты...

— Шао цзюньхоу!! — Хуа Сэ повысила голос. Её мягкий, с лёгким акцентом голос, обычно такой нежный, вдруг обрёл властность, не терпящую возражений: — Вы обещали мне жить и умереть вместе! Вы обещали — неразлучны до конца, верны до гроба!

Она выглядела такой обиженной, что, казалось, вот-вот заплачет:

— Вы что, хотите меня бросить?!

Цин Гэ остолбенела! Да, верно, в ту ночь, когда они заключили контракт слуги и господина, она действительно сказала Хуа Сэ: «Ты должна быть со мной неразлучна и верна до гроба»!

Но это была всего лишь бумага! Всего лишь клочок бумаги с печатью, имеющий юридическую силу!

<http://bllate.org/book/19150/1880634>